

Старик не заметил смущения солдата. Услышав выговор Цинь Цзычу, он поверил ему еще больше. Да и куда денется этот изнеженный, не знающий тяжелого труда господин? С младенцем на руках, от которого и вовсе не исходило никакой угрозы, далеко не сбежишь.

Старик окончательно успокоился и кивнул дозорному:

— Верни младенца господину Цзычу.

Цзычу тут же протянул руки и поспешно, едва ли не силой, забрал Ин Чжэна у молодого воина.

Широкие рукава соскользнули, обнажив тонкие белые запястья. Молодой солдат густо покраснел и, не зная, куда девать глаза, торопливо всунул пищущий сверток обратно и попятился, поспешив занять свое прежнее место.

Цзычу передернуло от пронизывающего холода, но он лишь счастливо улыбнулся. Взгляд его светился облегчением. Он крепко прижал к себе малыша и несколько раз звонко поцеловал его в пухлую щеку.

Затем, подняв голову, он тихо спросил у старика:

— Не знаю, как и благодарить вас... Могу ли я узнать имя своего спасителя?

Старик почтительно сложил ладони в приветственном жесте:

— Генерал царства Вэй, Цзинь Би. Приветствую вас, господин Цзычу.

— Век буду благодарен вам за спасение, генерал, — мягко улыбнулся Цзычу, стараясь не выдавать своего истинного замешательства и ни словом не упоминая о том, куда они держат путь. На самом же деле в его душе бушевал настоящий ураган.

«Да что ж за невезение такое! Едва уцелели в реке, и на тебе — очнулись прямо в лагере вэйцев!

Проклятье!

И как теперь уносить отсюда ноги?

Если Цзинь Би расщедрится и сдуру решит отправить нас под конвоем обратно в Чжао, мы же сами прыгнем тигру в пасть!

Помогите, кто-нибудь, как выкрутиться из этой передрыги?!»

Цзинь Би, услышав выдуманную историю Цзычу, тоже оказался в затруднительном положении.

Правитель царства Вэй отправил его войско на эту границу с одной целью — выжидать, чтобы при необходимости нанести удар или вовремя отступить. Вязываться в затяжную бойню между Цинь и Чжао вэйцы не собирались. Но раз уж река вынесла к ним сына самого господина Пинъюаня, лишившегося в пути всей своей свиты, старый генерал не мог просто закрыть глаза. Выставить высокородного гостя за ворота или оставить без присмотра было нельзя.

Пока Цзычу благоразумно помалкивал и не просил проводить его в Чжао, Цзинь Би тоже проявлял житейскую мудрость, делая вид, будто ничего не замечает. Оба они молчаливо сошлись на этой недосказанности.

Старый военачальник ласково, по-отечески взглянул на ребенка в руках Цзычу и негромко заметил:

— Судя по всему, господин не обучен ратному делу?

Цзычу смущенно улыбнулся и, плотнее закутываясь в одеяло, замахал руками:

— В юности я был глуп и ленив. Жил на всем готовом, ел досыта, носил шелка да думал, что отцовской славы мне хватит до конца дней. Вот и остался неучем. Теперь-то жалею, да старую лень так просто не избыть. Одно слово — беда.

Глаза Цзинь Би потеплели. Ответ юноши ему понравился.

Цзычу суждено было провести какое-то время в вэйском лагере, и то, что он оказался изнеженным неумехой, играло генералу на руку. Будь этот парень опытным воином или хитрым тактиком, за ним пришлось бы неусыпно следить.

— Не стоит печалиться, господин Цзычу, — добродушно подбодрил его старик. — Наверстать упущенное никогда не поздно. К тому же, если не думаете о себе, подумайте о дитяти. Ему ведь, кроме вас, и опереться не на кого.

Цзычу опустил взгляд на младенца, на мгновение замялся, а затем с благодарностью кивнул, признавая правоту собеседника:

— Слова ваши — чистая правда, генерал. Позвольте мне ненадолго остаться в вашем лагере?

Быть может, уцелевшие слуги сумеют разыскать меня по реке... Если, конечно, это не стеснит господина генерала.

— О чем речь! Оставайтесь сколько пожелаете, — тут же отозвался Цзинь Би. — Я сейчас же велю поставить для вас отдельный шатер. Человеку вашего положения негоже ютиться в этом убогом сарае.

— Генерал слишком добр ко мне, — Цзычу грустно вздохнул и с понурым видом добавил: — Честно говоря, мне и самому не хочется поскорее возвращаться. Дома у нас... все так непросто, что и говорить тошно.

Цзинь Би сразу понял намек.

Этот изнеженный юноша явно сетовал на то, что законная супруга господина Пинъюаня — родная сестра вэйского господина Синьлина — лишь на людях строит из себя добродетельную матрону, а сама всю изводит незаконнорожденных сыновей мужа. Вэйский ван давно недолго любил влиятельного Синьлина, а в политике закон прост: враг моего врага — мой друг.

Хотя правитель Вэй еще не решился открыто пойти против Синьлина, он до дрожи боялся его огромной власти и громкой славы. Стоило верному соратнику вана услышать о грязных тайнах семейства Синьлина, как на душе у него заметно потеплело.

Генерал великодушно махнул рукой:

— Не тревожьтесь, господин Цзычу. Живите у нас столько, сколько потребуется. Я лично прослежу, чтобы вас никто не побеспокоил, пока слуги рыщут по берегам.

Немного помолчав, Цзинь Би добавил:

— Будет скучно — можете прогуляться по окрестностям. Наша застава Еся — глушь несусветная, но здешние места славятся своей дикой красотой.

Цзычу прижал к себе младенца и, склонив голову, с признательностью проговорил:

— Премного благодарен за вашу милость. Мне бы только изредка выходить к реке — вдруг кто из челяди покажется на том берегу.

Чем искреннее и бесхитростнее казался юноша, тем быстрее таяли подозрения генерала.

— Ступайте куда хотите, господин Цзычу. Препятствий вам чинить никто не станет.

— Бесконечно признателен вам, — вновь кивнул тот.

Цзычу нежно погладил Ин Чжэна по румяной щечке и, подняв глаза на военачальника, робко спросил:

— Позвольте узнать еще кое-что, генерал.

— Спрашивайте без стеснения, — Цзинь Би радушно развел руками, демонстрируя полную искренность.

Цзычу понимал, что старик наверняка ждет от него вопросов о большой политике или о союзе между Вэй и Чжао. Но дела государственные его сейчас волновали меньше всего. Главное — выжить в этом вэйском гнезде и отвести от себя любые подозрения, чтобы за ними не установили слежку.

Поэтому он просто протянул сверток вперед, словно хвастаясь упитанным младенцем, и с видом до глупости заботливого отца озабоченно спросил:

— В лагере ведь нет женщин... Чем же мне кормить А-Чжэна?

Цзинь Би рассмеялся и махнул рукой своим людям:

— О еде для маленького господина не беспокойтесь! Здешние леса кишат зверьем. Весна — пора приплода, и вчера мои ребята поймали живьем кормящую тигрицу. Молока у нее в избытке, нашему богатырю точно хватит!

В голове у Цзычу тотчас замелькали древние легенды о великих героях древности, вскормленных дикими зверями. Уж кому-кому, а будущему императору тигриное молоко точно пойдет на пользу!

— Тогда не смею отказываться. Предоставляю это заботам ваших воинов.

«Мой маленький бог не зря великий! Что бы ни случилось, рядом с ним любая беда обернется удачей.

Тигриное молоко... Сама судьба благоволит будущему владыке!»

Обменявшись еще парой вежливых фраз, Цзинь Би в сопровождении стражи удалился.

Вообще-то военачальнику его ранга не пристало лично возиться с безродными приبلудами, но дорогая ткань, в которую был завернут спасенный юноша, сразу выдавала в нем вельможу. Цзинь Би и подумать не мог, что судьба подкинет ему такую ценную фигуру. Из этого неожиданного знакомства можно было извлечь немалую выгоду.

Вернувшись в свой шатер, генерал долго размышлял, а затем вывел на бамбуковых дощечках донесение о пребывании в лагере «бастарда господина Пинъюаня» и отправил гонца в столицу Далян. Пусть сам ван решает, как поступить с неожиданным гостем.

Цзычу наивно полагал, что ему удалось усыпить бдительность старого служаки, не подозревая, что преданность Цзинь Би своему государю не знала границ — старик докладывал во дворец абсолютно обо всем.

Тем временем в шатер притащили ту самую тигрицу. Огромная кошка была связана, словно праздничный цзунцзы. Лишенная всякой возможности двигаться, она от скуки терлась мордой об утоптанную землю, пытаясь унять зуд.

Цзычу ошеломленно созерцал это зрелище.

«И вот это недоразумение — грозная царица лесов? Да вы, должно быть, надо мной издеваетесь!

Этот мир окончательно рехнулся на почве умиления...»

Он довольно долго простоял перед плененным хищником со спящим Ин Чжэном на руках. И пусть зверюга всем своим видом выказывала повадки ленивой домашней кошки, Цзычу все никак не решался подсунуть младенца к ее тяжелым сосцам.

Поколебавшись, он обреченно вздохнул, обошел тигрицу со спины и, достав деревянный гребень, принялся осторожно расчесывать ее густую, лоснящуюся шерсть. Зверь заметно присмирел.

Из могучей груди вырвалось басовитое, утробное урчание, красивые янтарные глаза блаженно прикрылись, а кончик хвоста мерно застучал по земле. Большая кошка явно получала удовольствие от ласки.

— Договорились: я каждый день буду чесать тебе спинку, а ты за это честно корми моего сына,
— Цзычу окончательно расслабился, видя, что хищница больше не проявляет агрессии.

Он бережно придерживал спинку Ин Чжэна, укладывая его рядом с теплой тигрицей. Малыш мгновенно припал к соску и принялся жадно сосать. Густые капли желтоватого молока сочились по его пухлым губам, пачкая край чистой пеленки.

С тихой, счастливой улыбкой Цзычу наблюдал за кормлением своего маленького бога. Когда младенец стал отворачиваться, давая понять, что наелся досыта, юноша бережно перенес его на постель и ловко сменил мокрые пеленки.

Поддавшись неведомому порыву, он наклонился и слизал каплю тигриного молока с уголка губ ребенка.

— Хм, отдает рыбой, да и совсем не сладкое, — негромко рассмеялся он.

Ин Чжэн безучастно наблюдал за его ребячеством. Шок, охвативший его, когда их губы впервые соприкоснулись при падении в воду, давно сменился глухим, холодным спокойствием.

Там, в бушующем речном потоке, Ин Чжэн мысленно простился с жизнью. Он и помыслить не мог, что Цзычу изо всех сил станет держать его над водой, оберегая от ледяных брызг и принимая все удары стихии на себя.

Будущий император привык к преданности подданных, считая ее чем-то само собой разумеющимся. Однако за любым благоговением всегда крылся холодный расчет: жажда власти, богатства или славы. Мир смертных был уродлив в своей корысти.

Но этот Цзычу... Чего добивался он?

Ровным счетом ничего.

И это бескорыстие пугало сильнее любых интриг.

Даже без младенца на руках Ин Ижэнь оставался законным наследником престола, признанным госпожой Хуаян и принцем-преемником. Рано или поздно он унаследовал бы царство Цинь. Обременять себя обузой во время побега было верхом безрассудства, глупости и упрямства.

Но глаза Цзычу, когда тот смотрел на него, оставались чистыми и теплыми. В них не было ни алчности, ни тайного умысла, ни мольбы. Юноша просто любил его. Обожал искренне, без всяких условий, какими обычно связывают себя люди.

Именно это бескорыстие и заставляло Ин Чжэна насторожиться. Цзычу души в нем не чаял, но кристальная чистота этого чувства делала его пугающе хрупким, лишенным земных зацепок. Стоит юноше охладеть — и бывшая привязанность развеется без следа. Его жизнь и спасение потеряют для Цзычу всякую ценность, и тогда тот пройдет мимо, даже не удостоив беглого взгляда.

От этой мысли на сердце у младенца ложилась тяжелая, угрюмая тень.

— Ну же, пойдем пройдемся! Негоже весь день сидеть взаперти, а то мой А-Чжэн совсем приуныл, — заметив угрюмый вид малыша, Цзычу вздохнул и, бережно подняв его, направился к реке.

— Да вы глаза разуйте! Вчерашняя гроза была не от мира сего! — раздался у самой воды звонкий юношеский голос. Там, пригревшись на солнышке, кучка дозорных увлеченно травила байки. — Мы как раз обходили берег, а в небе — клянусь предками! — вились два дракона, золотой и багровый. Опустились прямо над водой и в щепки разнесли дуб толщиной в три обхвата!

<http://bllate.org/book/18277/1750302>